КАРАВАНЪ-ЗАПИСКИ,

ВО ВРЕМЯ ПОХОДА ВЪ БУХАРІЮ РОССІЙСКАГО КАРАВАНА, ПОДЪ ВОИНСКИМЪ ПРИКРЫТІЕМЪ, ВЪ 1824 И 1825 ГОДАХЪ;

веденныя Начальникомъ онаго Каравана надъ купечествомъ,

Евграфомъ Кайдаловымъ.

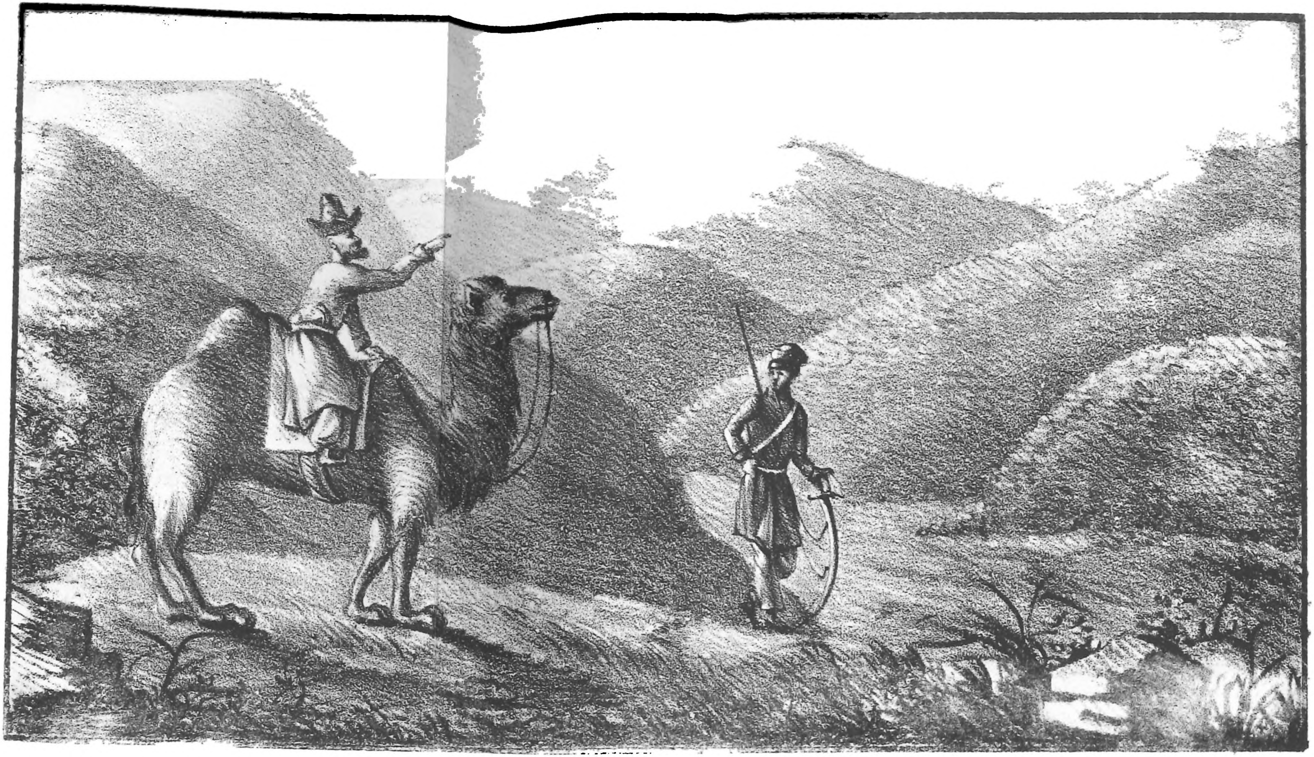

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

— „Пловецъ, бѣды избѣгшій,
„Какъ у пристани стоитъ,
„Объ опасности прошедшей
„Съ услажденьемъ говоритъ.“

Нелединской-Мелецкій.

МОСКВА, 1828.
Въ Университетской Типографіи.

Ты пишешь — и тѣмъ наводишь вредныя облака!

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Ноября 11 го дня, 1827 года.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

ЧАСТЬ III.

1825 годъ.

ЧАСТЬ III.

КАРАВАНЪ-ЗАПИСКИ

НА ПУТИ ВЪ БУХАРІЮ.

1825й годъ.

Февраля 10: *Мы разстались съ Караваномъ и въ Ташкенію отправились.*

Сего числа четверо насъ Руских, простясь со своими защитниками и сотоварищами, пустились въ предположенный путь:

и хотя опасно было въ столь ограниченномъ числѣ отдаться на произволъ судьбы и ѣхать въ чужую сторону, между дикихъ народовъ, степями пустыми; но, освободясь отъ неистовыхъ Хивинцовъ, мы не тревожились никакою другою опасностiю. Мы явственно видѣли, что само Провидѣнiе охраняло насъ, и потому почитали себя какъ бы непобѣдимыми. Вотъ уже мы и внѣ

воинственнаго Каравана, и никогда больше не увидимъ его!

Февраля 11: *Переправа черезъ рѣку по льду. — Много по дорогѣ ауловъ. — Толпами смотрятъ на насъ Киргизцы, какъ на чудо.*

Мы переправились по льду черезъ *Сыръ-Дарью*, при урочищѣ *Кармакчи*, и проѣзжали чрезъ многiе аулы Киргизцовъ, которые толпами собирались смотрѣть на

насъ, какъ на чудо, по причинѣ избавленія нашего отъ Хивинцовъ. — Они, судя по роду своихъ военныхъ дѣйствій холоднымъ оружіемъ, дивились, и почитали насъ богатырями, не думая о томъ, что были у насъ богатыри совсѣмъ другаго рода.

Февраля 12: *Ночлегъ.*

Мы имѣли ночлегъ при урочищѣ *Жакалы - Ую.*

Февраля 13: *Пріѣздъ въ аулы къ нашему вожаку.*

Пріѣхали мы въ аулы вожака нашего *Жангабула Тюляганова*, находящіеся при такъ называемомъ *Табынъ-Кудукъ*, или мыльномъ колодцѣ.

Февраля 14, 15 и 16: *Дневка.*

Дневали, приготовляясь въ дальнѣйшій путь.

Февраля 17: *Переходъ и вѣсть о вѣроломствѣ, ожидающемъ насъ въ Ташкеніи. — Мы отмѣняемъ туда поѣздку и обращаемся въ Россію. — Между тѣмъ кочуемъ съ Киргизцами и такъ сближаемъ помаленьку свой путь. — Описаніе патріархальной жизни съ натуры.*

Сдѣлали переходъ къ урочищу *Сыръ-Кудукъ.* — Но здѣсь встрѣтили мы Киргизцовъ, ѣдущихъ изъ *Ташкеніи*, и узнали отъ нихъ, что тамъ не гостепріимство

насъ ожидало, а измѣна и вѣроломство. — Ханъ *Ташкенскій*, будучи въ родственной связи съ *Хивинскимъ* Ханомъ, будто бы намѣревался выдать насъ вмѣстѣ съ товарами сему послѣднему, какъ его непріятелей. — И такъ мы, опасаясь подвергнуться вящшему нещастію, рѣшились, оставя сей путь, возвращаться уже въ Троицкъ; къ отряду же воротиться не согласились наши Киргизцы.

Для того должны мы были слѣдовать въ одно время съ Киргизскими аулами и вести жизнь патріархальную, какую обыкновенно ведутъ народы кочующіе. — Праздность ихъ утѣха; а безпечность — верхъ удовольствій. Дотолѣ живутъ они на одномъ мѣстѣ, пока достаточно для скота ихъ корму. — Съ прекращеніемъ онаго, избираютъ новое мѣсто, удобнѣйшее; и переходятъ на меньшее или большее раз-

стояніе отъ прежняго. Сіе служитъ для нихъ въ хорошее время не малымъ удовольствіемъ и, можно сказать, вмѣсто праздника. Мущины и женщины тогда надѣваютъ лучшее платье, и каждое сѣмейство ѣдетъ своимъ отдѣленіемъ. — Мущины пользуются симъ временемъ, переѣзжая отъ одного отдѣленія къ другому, для свиданія со своими родственниками и друзьями, къ чему рѣдко другой имѣютъ случай,

потому, что останавливаются аулами въ нарочитомъ отдаленіи другъ отъ друга, въ излучинахъ горъ, и для того такъ останавливаются, чтобы имѣть достаточныя для скота пастьбища; а сіи бываютъ весьма избыточны растеніями, свойственными его продовольствію, и онѣ весьма питательны, хотя не таковы на примѣръ, какъ трава наша, ибо тотъ же стебель весною производитъ листья, древеснымъ

подобныя. — Къ тому же горы сіи укрываютъ аулы отъ зимнихъ вьюгъ и холодныхъ бурныхъ вѣтровъ, которыя на открытомъ мѣстѣ были бы гибельны, особенно для скота. Но при всемъ томъ зима очень для нихъ изнурительна. — Претерпѣвъ тогда всякаго рода недостатки, а нерѣдко и голодъ, съ какимъ восхищеніемъ должны встрѣчать весну сіи странствующія поколѣнія! — Весна приноситъ имъ умноже-

ніе въ скотоводствѣ, изобиліе въ молокѣ — любимой ихъ пищѣ — и благодѣтельное ея вліяніе вдругъ ихъ оживляетъ отъ зимней въ нуждахъ оцепенѣлости, подобно звѣрямъ, въ берлогахъ и въ норахъ кроющимся во все то время, доколѣ холодъ объемлетъ равнины и горы. Тогда, тогда вкушаютъ они чистѣйшія радости, и вмѣстѣ съ симъ измѣненіемъ природы оставляютъ сіи тогда уже знойныя мѣста, приближаясь къ гра-

ницамъ нашимъ, гдѣ плодородныя равнины, орошаемыя рѣками и озерами, улучняютъ ихъ пастьбища.

Такимъ образомъ и мы, продолжая между ними пребываніе, принимали участіе въ ихъ положеніи, которое было тогда очень невыгодное. — Въ противоположность теплой зимѣ, въ Февралѣ и Мартѣ настала сильная стужа, отъ чего весьма много погибало скота, и Киргизцы на-

ходились въ великомъ уныніи, а нѣкоторые изъ нихъ роптали на насъ, полагая по суевѣрію своему, что мы тому причиной.

Февраля 18, 19 и 20: *Дневка.*

Мы дневали.

Февраля 21: *Картина траура у Киргизцовъ. — Этикетъ горести.*

Имѣли переходъ, во время коего видѣли картину, довольно любопытную. —

Между многими кочевавшими Каравами, одинъ отличался чернымъ знаменемъ; впереди сего Каравана ѣхала молодая дѣвица въ богатомъ нарядѣ, на прекрасной лошади, имѣя въ рукахъ пику то же съ чернымъ знаменемъ; за нею слѣдовала женщина въ глубокомъ траурѣ также на лошади. — Лишь только мы приблизились, какъ послѣдняя начала испускать жалобные вопли, со многимъ причитаніемъ словъ; потомъ по-

казались верблюды, покрытые богатыми коврами, обвѣшенные различными одеждами и оружіемъ, какъ-то: саблями и кинжалами, луками и колчанами со стрѣлами. — Всё сіе означало *Трауръ*, который у нихъ продолжается цѣлый годъ, и въ теченіе сего времени опечаленное сѣмейство должно каждую свою перекочевку имѣть упомянутымъ параднымъ образомъ. Это обыкновенно наблюдается по отцѣ сѣмейства, и одна

изъ дочерей его непремѣнно обязана везти знамя; если же дочерей нѣтъ, въ такомъ случаѣ исправляетъ сію должность ближняя родственница, а вдова покойнаго должна слѣдовать за нею въ печальномъ одѣяніи, какъ было сказано. Обрядъ горестной увеличивается, когда на одномъ мѣстѣ кочуютъ. — Тогда и дѣти и жена непрерывно обязаны выть такъ, чтобъ слышали посторонніе; иначе же подвергаются они большимъ

нарѣканіямъ. Сіе дѣлается впрочемъ только между знатными и богатыми; а бѣдные и безъ того не очень бываютъ веселы.

Аулъ нашъ расположился при урочищѣ *Муинъ-Кумъ*, что значитъ: шея песковъ. — Тутъ весьма мало было корму и дровъ; послѣдніе уже замѣнялись растеніемъ, собираемымъ на каменистыхъ горахъ въ родѣ грибовъ, и разновидностію своею похожимъ на мохъ: оно было весьма горючаго свой-

ства, съ великою удобностію употреблялось и вмѣсто дровъ и въ пищу верблюдамъ. Природа нигдѣ не забыла средствъ, коими она недостатки удовлетворяетъ.

Февраля 22: 23, 24 и 25: *Кочевали. — Пригласительное письмо отъ нашего Начальника отряда. — Достойныя его мѣры къ нашей безопасности.*

Кочевали, дѣлая малые переходы; погода продолжалась весьма холодная. — Здѣсь

получилъ я извѣстіе отъ Начальника отряда Г. Полковника *Ціолковскаго.* — Онъ, узнавъ изъ письма моего объ отложеніи нашего намѣренія слѣдовать въ *Ташкенію*, изъявлялъ свое удовольствіе, ибо и онъ былъ извѣщенъ Киргизцами, что насъ тамъ ожидало бѣдствіе. — Наконецъ совѣтовалъ, для лучшей безопасности, присоединиться къ нему, и со ввѣреннымъ ему отрядомъ вмѣстѣ слѣдовать. Великое ему благодареніе!

Онъ, принимая участіе въ нашемъ положеніи, принялъ мѣры, достойныя Начальника. — Киргизцы спрашивали его, будетъ ли онъ отвѣчать, если мы подвергнемся какому либо нещастію? Предвидя злой ихъ умыселъ, объявилъ онъ имъ, что не только будетъ отвѣчать; но какъ скоро услышитъ что-либо подобное, то виновниковъ станетъ преслѣдовать и разорять силою

оружія. — Симъ умнымъ отзывомъ сохранилъ онъ насъ въ безопасности.

Февраля 26, 27 и по 14 Марта включительно:

Вступленіе наше въ черные пески. — Печальная наша жизнь. — Мое размышленіе на горѣ. — Опасность здѣсь размышлять. — Одного за книги сожгли. — Глубокое невѣжество Киргизцовъ. — Рѣзкая черта въ ихъ характерѣ. — Бѣдственная у Азіятцовъ участь въ неволѣ.

Мы вступили въ *Кара-Кумъ*, или черные пески. — И здѣсь, какъ прежде, вели

кочевую, печальную жизнь. Наступающая весна оживляла природу, но не сердца наши, которыя въ отдаленіи отъ своего Отечества, отъ милой родины, были ко всему иному холодны, и потому не могли вкушать появляющихся съ каждымъ днемъ радостей. Мы убивали скучное время, скитаясь по горамъ пустыни песчаной, и стрѣляли птицъ, которыя вмѣстѣ съ весною летѣли большими стадами въ страны на-

ши. Завидуя ихъ участи и предавшись сладкимъ размышленіямъ, сѣлъ я на горѣ и написалъ, какъ чувствовалъ, слѣдующее:

„Въ пустынѣ дикой *черныхъ песковъ*, на крутой стремнинѣ, тутъ, гдѣ лишь безплодные кусты, въ удаленіи отъ людей сидѣлъ одинъ съ своею грустію. Ничто не цвѣтило воображенія, унылой гулъ вѣтра межъ холмами умножалъ только мрачность, и всё рисовалось черными красками. Я

представлялъ себѣ, сколь неисповѣдимы пути жизни нашей: въ юности; ахъ нѣтъ! несравненно послѣ, даже за годъ до сего времени, думалъ ли я, что буду тамъ, гдѣ можетъ быть никто не бывалъ изъ моихъ соотечественниковъ? За четыре предъ симъ мѣсяца, обольщенные надеждою; обезпеченные несомнѣнною безопасностію; горя желаніемъ открыть Отечеству лестныя выгоды; преоборая и нужду и труды; претерпѣвая

голодъ, жажду, мы летѣли въ чужія, дальнія области; уже большую часть пути исполнили; уже приближались къ цѣли своей: какъ вдругъ надежда наша разрушилась съ нападеніемъ многочисленнаго непріятеля.— Всѣмъ угрожала смерть неизбѣжная : когда одинъ противу стоялъ двадцати, то могъ ли кто либо и мыслить иначе? Но Всемогущій своею десницею помогъ отразить силу

и сквозь зіяющихъ повсюду смертей пройти невредимо.“

„Теперь на возвратномъ пути въ милое Отечество, и уже насмотрясь дикаго пространства печальныхъ степей; насмотрясь различныхъ произрастеній, птицъ, звѣрей, народовъ, мѣстъ, гдѣ прежде были рѣки — вода, а нынѣ сушь; гдѣ города, а теперь однѣ развалины: наглядѣвшись — говорю — того, чего никогда дотолѣ не-

видывали, обращаюсь къ нашимъ желаніямъ, и жду отъ нихъ отвѣта: исполненыль онѣ? Нѣтъ! Это пучина во вѣки ненаполняемая! Родилось новое желаніе, а съ нимъ вмѣстѣ родится и новая надежда, которая влечетъ къ новымъ предпріятіямъ. Избѣгнувъ прежней бѣды, избѣжавъ смерти, мы рѣшились подвергнуть себя видимой опасности; оставили своихъ храбрыхъ защитниковъ, вѣрныхъ сотоварищей; ос-

ставили и — въ числѣ только четырехъ Русскихъ — отважились пуститься въ *Ташкенію!* Малоли - что оживотворяло насъ въ семъ подвигѣ; но Провидѣніе располагало иначе: оно и здѣсь насъ спасло отъ бѣдствій, вѣроломствомъ и злобою приготовляемыхъ и — намъ смерть было предстояла."

„*Азія*, доселѣ извѣстная своими богатствами, не была извѣстна своею нена-

вистью, какую питаетъ вообще къ Христіянамъ; хотя народы ея всегда ими были обласканы, всегда обогащаемы, и никогда не претерпѣвали обидъ по связямъ торговымъ. — За что же они ищутъ всевозможное намъ сдѣлать зло, какъ случившійся съ нашимъ Караваномъ опытъ въ особенности то доказалъ?"

„И такъ, обратясь всѣмъ сердцемъ, всѣми помышленіями къ любезнѣйшему Оте-

честву, мы стремились къ нему мысленно; но, вообразя пространство, насъ разлучавшее, должны были остаться еще одни со своею тоскою по отчизнѣ, и слѣдовать среди дикихъ народовъ, среди необозримыхъ степей и безводныхъ пустынь песчаныхъ! — Здѣсь-то есть время подумать о суетѣ нашихъ желаній и по опыту сказать, сколь неосновательны, тщетны и превратны онѣ!“

Кончивши сіе, я всталъ и хотѣлъ сходить съ горы, какъ вдругъ увидѣлъ Киргизца въ недальнемъ отъ себя разстояніи.— Онъ замѣчалъ мое занятіе, и тотчасъ спросилъ меня, что дѣлалъ? — Писалъ — отвѣчалъ я.

„Какъ!" возразилъ онъ мнѣ и продолжалъ съ укоризною: „Еслибъ ты зналъ Бога, то „сказалъ бы я, что не боишься его, дѣлая зло

„людямъ, которые тебѣ, кромѣ добра, ничего не сдѣлали." По такимъ словамъ хотя почелъ я его за сумасшедшаго; однако спросилъ: что же сдѣлалъ я для нихъ вреднаго? — „*Какъ же ты пишешь* „*и чрезъ то наводишь вредныя облака,* „*причиняющія смерть скоту нашему! Раз-* „*вѣ ты не знаешь, сколько съ бытность* „*вашу у насъ его перемерло? Давно бы* „*васъ сожечь слѣдовало!*" Тщетно было

бы доказывать ему противное, ибо онъ почиталъ меня колдуномъ. — И такъ, не входя съ нимъ въ дальнѣйшія объясненія, я велѣлъ ему прочь итти, что онъ и сдѣлалъ, вѣроятно опасаясь оружія, которое у меня при себѣ было на всякой случай. — Вотъ степень просвѣщенія сего народа!

Киргизцы сказывали сами про себя, что сожгли они одного Татарина при по-

добномъ случаѣ только за то, что нашли у него книги, не смотря, что онъ былъ ихъ единовѣрецъ, и что книги тѣ быть можетъ священныя были по ихъ закону.

Впрочемъ рѣдкіе изъ нихъ знаютъ свою вѣру, а тѣмъ менѣе исполняютъ ея правила. -- Я видалъ примѣры, какъ они въ случаѣ какой-нибудь неудачи или несчастія проклинали и вѣру и пророка, простирая свое неистовство даже на небо. Но къ

странникамъ они весьма гостепріимны: это черта самая рѣзкая въ ихъ характерѣ; черта, кажется общая всѣмъ кочующимъ племенамъ; наконецъ черта, наводимая силою нуждъ, каковыя нерѣдко испытываютъ они сами въ своихъ странствованіяхъ. — Даже тѣ изъ нихъ роды, которые очернили себя грабежами и разбоями, гостепріимство почитаютъ самымъ священнымъ дѣломъ и соблюдаютъ его строго. Такимъ

образомъ безопасны у нихъ всегда путешественники, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ объясненнаго суевѣрія. — Купцы также безъ опасенія переѣзжаютъ изъ рода въ родъ и живутъ, занимаясь торговлею, разумѣя однако болѣе Татаръ, Бухарцовъ и Ташкенцовъ; Рускіе же сносятся съ ними не далѣе, какъ въ виду границъ своихъ, по той причинѣ, что ихъ они увозятъ и продаютъ въ неволю или въ *Хиву* или въ *Бухарію*, что весьма не-

рѣдко случалось даже на линіи. — Тамъ подвергаются они жизни бѣдственной: ихъ употребляютъ въ тяжкія работы, худо кормятъ, бьютъ и мучатъ; а за побѣгъ подрѣзываютъ имъ пяты, насыпая рубленаго конскаго волоса, дабы нельзя было уйти отъ чрезмѣрной боли.

Марта 15: *Мы отважились въ дальній путь, только втроемъ. — Направленіе*

наше къ Западу. — Пріятельской пріемъ и угощеніе на ночлегѣ.

Вотъ какъ, въ продолженіи скучнаго между симъ народомъ пребыванія, испытывали мы всю тяжесть грусти, одиночества, и еще должны были томиться, доколѣ въ цѣлые три мѣсяца прибудутъ аулы къ Россійскимъ границамъ. Одна мысль, что наши сѣмейства почитаютъ насъ погибшими, была неизъяснимымъ мученьемъ. Наконецъ

я рѣшился съ бывшимъ вмѣстѣ тутъ же купцомъ *Шалинымъ*, во что бы то ни стало, ѣхать въ *Троицкъ*, не дожидаясь больше ауловъ; хотя путь до сего города на 800 верстъ простирался: это намъ казалось неважнымъ по сравненію. — Посему, взяли мы съ собою надежнаго проводника изъ Киргизцовъ, запаслись необходимою провизіею, которая только въ баранинѣ и состояла, ибо хлѣба у насъ совсѣмъ

не было почти уже два мѣсяца, и выѣхали 15 го Марта, разставшись съ другими двумя нашими товарищами (*) не безъ прискорбія. — Направленіе наше было къ Западу, черезъ песчаные холмы, и въ продолженіи сего дня намъ встрѣчалось множество

(*) Одинъ изъ нихъ, братъ мой двоюродной Михайло Ивановичь Нарядчиковъ, во всякомъ случаѣ былъ мнѣ полезнымъ и опытнымъ другомъ; также и другой, Дмитрій Никол. Ломшевъ, былъ радушной и усердной мнѣ доброжелатель. *Авторъ.*

ауловъ, множество скота, а ночлегъ мы имѣли у Киргизца, знакомаго нашему вожаку. — Онъ весьма ласково насъ принялъ и щедро угостилъ.

Марта 16, 17 и 18: *Мы пускаемся въ путь. — Несносныя трудности приводятъ насъ въ раскаяніе. — Удивленіе наше при видѣ слѣдовъ человѣческихъ. — Еще больше, когда увидѣли пѣшаго человѣка въ дикой пустынѣ. — Его алчность отъ голоду. — Наши сумнѣнія о безопасности. — Мы вырываемъ могилу и*

въ ней ночуемъ. — Стада дикихъ козъ, и какіе у нихъ путеводители. — Нашъ путь обратной опять въ прежніе аулы.

На разсвѣтѣ пустились мы въ путь по пространной долинѣ, окруженной горами и покрытой довольно глубокимъ снѣгомъ, который, скрѣпясь утреннимъ морозомъ, подъ ногами лошадей хорошо держался, доколѣ однакожъ солнце не пригрѣло; а тогда принуждены мы были

удалиться въ горы, гдѣ снѣгъ не проваливался, потому, что его тамъ и не было. Но за то находили другое, величайшее неудобство, безпрестанно спускаясь и поднимаясь по ихъ стремнинамъ; къ тому же сильной вѣтеръ, воздымая песокъ, сыпалъ прямо въ лицо при жестокой стужѣ, и заставлялъ насъ часто останавливаться, оборачиваться къ солнцу, дабы отогрѣвать лице и протирать заслѣпленныя глаза. —

Это приводило насъ въ большое раскаяніе, зачѣмъ мы пустились въ дорогу, не дождавшись теплаго времени, тѣмъ болѣе, что и лошадямъ подножнаго корму вовсе не было, ибо въ горахъ занесло его пескомъ, а въ долинѣ покрывалъ снѣгъ. — Дѣлать было нечего; надлежало продолжать начатое, хотя съ великимъ усиліемъ. Къ вечеру, когда снѣгъ довольно окрѣпнулъ, мы спустились опять въ долину; но тутъ

увидѣли слѣды человѣческіе, что привело нась въ немалое удивленіе и любопытство. Какъ, въ такомъ отдаленіи отъ людей, въ дикой пустынѣ быть одному человѣку, и притомъ пѣшему? Это казалось намъ невозможнымъ! Мы пустились по его слѣдамъ, но къ вечеру ихъ потеряли. Приближеніе ночи заставило нась остановиться для ночлега въ горахъ, гдѣ, что бы укрыться отъ жестокаго вѣтра, вы-

брали мы глубокую стремнину, и разложа огонь, начали готовить пищу. Вдругъ является Киргизецъ, совсѣмъ намъ незнакомый, не говоритъ ни слова, садится къ огню и грѣетъ руки. Хотя намъ не было причины опасаться одного безоружнаго; но при всемъ томъ осторожность заставила обратить на него особенное вниманіе, потому, что онъ казался слишкомъ увѣреннымъ въ своей безопасности съ людьми,

вовсе ему неизвѣстными. — Послѣ открылось, что онъ тѣмъ еще больше не имѣлъ причины насъ бояться, что уже близокъ былъ къ смерти отъ голоду. — Онъ цѣлую недѣлю не ѣлъ ничего, а продолжалъ всё итти, удаляясь отъ людей, дабы не попасть къ своимъ непріятелямъ. — Былъ столь слабъ, что почти ничего не могъ порядочно объяснить, особенно при видѣ пищи нашей, которая воспаляла его алчность и

смущала его воображеніе. Онъ протягивалъ къ намъ руки, требуя себѣ насыщенія, въ чемъ мы изъ осторожности не вдругъ его удовлетворили. — Тогда-то узнали, что онъ былъ изъ роду *Боганалы-Кипчаковъ*, и что они, имѣя взаимное неудовольствіе съ родомъ *Табынцевъ*, отправлялись къ нимъ въ числѣ двадцати человѣкъ для *Баранты*, т. е. отгону скота или для грабежа, въ чемъ имъ и удалось; но встрѣ-

тясь съ другими Киргизцами, шедшими за тѣмъ же промысломъ, были ими ограблены: товарищи его, иные убиты, иные взяты въ плѣнъ; онъ же спасся бѣгствомъ и возвращается въ свои аулы. — То его были слѣды, которые мы видѣли въ долинѣ; но, какого были племени ограбившіе товарищей его Киргизцы, онъ намъ не сказалъ: почему мы и усумнились, не изъ сеголи рода былъ нашъ проводникъ; а какъ путь намъ про-

легалъ черезъ аулы бѣглеца, то легко могъ нашъ вожатый подвергнуться лишенію жизни, ибо мщеніе ихъ алчетъ крови непріятелей.—Хотя бы попался и не обидчикъ, для нихъ довольно уже того, что онъ одного съ ними рода.

Сія причина, а равно и затруднительнѣйшій отъ сильнаго ненастья переходъ, который мы до половины слѣдующаго дня продолжали, заставили насъ возвратиться

въ аулы нашего проводника, и провести ночь на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ прошедшую ночевали, съ такою только разницею, что въ эту ночь мы претерпѣли отъ дождя и сильнаго западнаго вѣтра чрезвычайную нужду, тѣмъ болѣе, что невозможно было никакъ развести огня отъ ужасныхъ вѣтра порывовъ; и мы должны были спать въ ямѣ, нарочно нами вырытой въ пескѣ, въ которую легли всѣ трое и закрылись

полстью. Сіе средство, необходимостію изобрѣтенное, было одно спасеніе въ такомъ случаѣ, когда мы не имѣли сухой нитки на себѣ; проснувшись же поутру, едва могли высвободиться изъ своей могилы, занесенной замерзшимъ пескомъ. По крайней мѣрѣ мы согрѣлись въ этой могилѣ.—Но внѣ оной мгновенно объяла насъ стужа, усилившаяся отъ непросыхавшей еще отъ дождя нашей одежды, которая вскорѣ на насъ оледѣнела и изнурилабъ

насъ, если бы благотворное свѣтило не оживило своими лучами.

Сего дня уже подъ вечеръ увидѣли мы съ высоты горъ великое множество скота, и удивлялись скорому переходу нашихъ ауловъ, коимъ почитали стада сіи принадлежащими. — Но по мѣрѣ приближенія узнали свою ошибку: это были стада дикихъ козъ, которыхъ Киргизцы называли *Сайгаками.* Въ мѣстахъ здѣшнихъ они

особенно водятся, а частію есть и дикія лошади.

Мѣстоположеніе дозволяло намъ разсмотрѣть сихъ животныхъ въ самомъ близкомъ разстояніи. — Они были въ долинѣ подъ горами, по коимъ мы ѣхали, и мы, подкравшись съ разныхъ сторонъ, бросились на нихъ съ крикомъ, стрѣляя изъ пистолетовъ, отъ чего онѣ столь сильно встревожились, что не знали, куда бѣжать:

бросались туда и сюда, даже лошадямъ подъ ноги; иныя падали въ ямы, наполняли ихъ и мгновенно разсыпались. Пользуясь симъ случаемъ, мы настрѣляли нѣсколько, и мясо ихъ показалось намъ очень вкуснымъ. Видомъ онѣ похожи на козу; только поменьше собою; цвѣтомъ сѣрыя, какъ заяцъ; имѣютъ небольшiе, круглые, почти прямые рога, а есть и вовсе безъ оныхъ. — Путеводительствовали ими весь-

ма большіе, почти особаго рода и темно-сѣраго цвѣта, самцы; но въ нѣсколькихъ тысячахъ замѣтили мы ихъ не болѣе шести.

Марта 19: *Возвращеніе въ тѣ самые аулы, изъ коихъ понапрасну далеко уѣзжали. — Мы дѣлаемъ переходы съ аулами впередъ.*

Наконецъ благополучно прибыли мы обратно въ тѣ же самые аулы, изъ которыхъ 15го числа сего мѣсяца выѣзжали,

сдѣлавъ напраснаго проѣзду около 200 верстъ и претерпѣвъ столько препятствій и нужды. — Къ счастію погода съ каждымъ днемъ становилась лучше, теплѣе, и мы съ тѣми аулами почти ежедневно дѣлали небольшіе переходы, а между тѣмъ опять сами приготовлялись къ новому путешествію.

Марта 26: *Вторичная наша поѣздка. — Спутники намъ изъ Ташкента. — Какая опасность насъ тамъ ожидала!*

И такъ сего числа, именно черезъ недѣлю, снова отдѣлились мы отъ ауловъ и отправились въ путь съ урочища *Жиланды-Кыръ*, гдѣ присоединились къ намъ спутники, Киргизцы *Аргинскаго* рода. — Они возвращались изъ *Ташкента* и сказывали намъ, что тамъ, равно и въ *Буха-*

ріи, почитали невѣроятнымъ, какъ могли мы избавиться отъ столь сильнаго и храбраго, по ихъ мнѣнію, воинства. „Но Рускіе отдѣлались по Руски," говорили тѣ, которые знали Рускихъ. — Киргизцы сказывали также, что могла бы намъ въ *Ташкентѣ* послѣдовать непріятность, ибо съ этимъ намѣреніемъ при нихъ туда присланъ былъ изъ *Хивы* посланникъ.

Въ сей день переѣхали мы 30 верстъ и остановились ночлегомъ при урочищѣ *Кынгырь - Даласы*.

Марта 27: *Переходъ и роздыхъ.*

Переѣхавъ 50 верстъ, остановились при урочищѣ *Агачь - Тугуль*.

Марта 28: *Выѣздъ изъ черныхъ песковъ. — Аулы Кипчатскіе. — Приглашеніе на поминки по умершемъ Киргизцѣ.*

Совершивъ остатокъ *черныхъ песковъ*, мы прибыли въ аулы *Баганалы-Кип-*

гатскаго рода, расположенные при урочищѣ *Жирб-Кудукб*. — Переходъ состоялъ изъ 60 верстъ.

Здѣсь повстрѣчавшійся намъ Киргизецъ пригласилъ на поминки къ умершему своему родственнику, на что и согласились Киргизцы, наши спутники; иначе же они почли бы это за грѣхъ и обиду.—На такія поминки собирается у нихъ гостей человѣкъ

по 500 и болѣе, особенно если покойный имѣлъ хорошее состоянie.

Марта 29: *Первый день Пасхи проводимъ грустно въ дорогѣ. — Трудныя переправы. — Теченie водъ на Западъ. — Обширное озеро. — Мнимыя горы Нура и прекраснѣйшiй ихъ видъ. — Лучшiй климатъ и раньше весна. — Много змѣй и черепахъ.*

Въ праздникъ свѣтлаго Воскресенiя Христова, вмѣсто радости, которою на-

полняются сердца Христіянъ въ своемъ Отечествѣ, мы были помрачены прискорбіемъ, вполнѣ чувствуя всю тяжесть своего положенія въ удаленіи отъ родины, между дикими, неозаренными свѣтомъ истинной вѣры, народами. — И сей день, и въ теченіи онаго нашъ путь, сообразны были съ чувствами нашими: погода стояла самая мрачная; мѣста, по коимъ слѣдовали, были весьма топкія; шумные потоки водъ

преграждали намъ дорогу и причиняли чрезвычайное помѣшательство, такъ что чрезъ нѣкоторые изъ нихъ принуждены мы были переправляться почти вплавь. Здѣсь воды имѣютъ свое теченіе на Западъ, въ *Акъ-Сакалъ-Барби*, весьма обширное озеро, которое оставалось у насъ влѣвѣ не въ дальнемъ разстояніи. — Впереди видны были хребты горъ, *Нура* называемыхъ; но когда мы къ нимъ приблизились и даже

поднялись на верхъ, то нашли, что сіи мнимыя горы были только возвышенный кряжъ земли.—Южная сторона онаго уподоблялась превысокому берегу, который сверхъ того представлялъ собою прекраснѣйшій видъ отъ разноцвѣтныхъ на немъ земляныхъ слоевъ, такъ что стремящіеся по нимъ ручьи водъ удивляли своею привлекательною разновидностію: иные были зеленые, голубые; другіе фіолетовые, малиновые, и проч. —

Свойство земли сей состояло изъ илу, весьма вязкаго, и вода съ нею смѣшанная, долго не отстаивалась.

Здѣсь, можно сказать къ удивленію нашему, нашли мы другой климатъ и другія растенія; не менѣе также было удивительно и то, что въ сихъ мѣстахъ, по увѣренію Киргизцовъ, не было почти во всю зиму снѣга и сильныхъ холодовъ, въ противуположность Югу, гдѣ оные суще-

ствовали. — Потому - что здѣсь уже начала показываться зелень; было очень много тюльпановъ и нарцизовъ, а нѣкоторые такого рода, что съ самымъ появленіемъ на нихъ листочковъ и цвѣты распускались: сіи послѣдніе похожи на тюльпанъ, но гораздо меньше.

Наконецъ горы *Нура* тѣмъ еще замѣчательны, что при въѣздѣ на нихъ, много встрѣчалось змѣй и земляныхъ черепахъ. —

Первыхъ, кромѣ здѣшнихъ мѣстъ, нигдѣ мы не видали.

Въ сей день, по переѣздѣ 40 верстъ, остановились при *Кутанъ-Нурѣ.*

Марта 30: *Два перехода. — Глубокій водяной буеракъ. — Невозможность переправы чрезъ оный. — Множество птицъ.*

Въ два перехода сдѣлавъ 50 верстъ, мы остановились при урочищѣ *Жиланъ-*

Чикб, что значитъ глубокій буеракъ. — Сей буеракъ дѣйствительно полонъ былъ воды; она имѣла чрезмѣрно быстрое теченіе, а потому тщетно усиливались мы переправиться черезъ него. Здѣсь много попадалось намъ дичи, особенно лебедей.— Были гуси необыкновеннаго рода, какъ и бѣлые журавли. — Долины наполнялись птицами, похожими на куропатокъ, большаго и малаго рода; перья на нихъ пестрыя, какъ на цесарскихъ

курицахъ; и Киргизцы называли этихъ куропатокъ: *Тугурыкъ*, потому, что крикъ ихъ подобенъ звуку сихъ словъ.

Марта 31: *Лишній обходъ. — Большое озеро. — Изобиліе въ рыбѣ. — Тревога ночью отъ огней. — Подозрѣніе, не разбойники ли; поискъ надъ ними, и радость, что находимъ пріятелей.*

За невозможностію перейти *Жиланчикъ*, принуждены мы были поворотить

влѣво и сдѣлать обходъ лишняго по крайней мѣрѣ 70 верстъ. — Проѣхавъ же 40, остановились при *Акъ-Куль*, что значитъ бѣлое озеро. — Оно въ окружности верстъ на сорокъ, имѣетъ непомѣрную глубину, и чрезвычайно изобилуетъ рыбою, которую однакожъ, по неумѣнью, Киргизцы ловятъ только удою. — Они увѣряли, что есть тутъ такія большія рыбы, что утаскиваютъ барановъ, когда ихъ пригоняютъ по-

ить; но какія это рыбы, того объяснить не могли.

Ночью встревожены были наши спутники по причинѣ огней, усмотрѣнныхъ ими на противуположной сторонѣ озера; тѣмъ болѣе, что не замѣтили тутъ обитающихъ Киргизцовъ; а замѣтить они бы не упустили, по чрезвычайной зоркости своей, ибо за 20 верстъ и далѣе простымъ глазомъ различаютъ быка отъ лошади и

тому подобное. — Посему, полагая, что были то разбойники, Киргизцы наши хотѣли ѣхать обратно; но мы не соглашались, рѣшась остаться одни, и увѣряя притомъ, что если они подлинно разбойники, то не осмѣлятся сдѣлать на насъ нападенія. — Мы даже вызывались ѣхать впередъ, чтобы совершенно въ томъ удостовѣриться. — Итакъ Киргизцы, ободренные рѣшительностію нашею, наконецъ остались; но съ тѣмъ,

что бы немедлѣнно узнать, какими путешественниками разведены тѣ огни. Въ слѣдствіе сего выбрались изъ нихъ пять человѣкъ самыхъ лучшихъ наѣздниковъ, вооруженныхъ пиками и саблями, и вмѣстѣ съ нами отправились для открытій. — Но какъ мы обрадовались, когда вмѣсто мнимыхъ разбойниковъ, встрѣтили своихъ пріятелей! — То были Татаре, ѣхавшіе изъ *Троицка* для торговли съ *Баганалы*-

Кипчаками. — Они насъ угостили чаемъ и въ особенности хлѣбомъ, котораго уже давно мы не имѣли. Безъ различія вѣры такъ были другъ другу рады, какъ родные братья, и здѣсь-то кстати можно было употребить старинныя изрѣченія слѣдующія: " *Мила намъ добра вѣсть о сторонѣ „родной: Отечества и дымъ намъ сладокъ „и пріятенъ* (*)."

(*) Державинъ.

Апрѣля 1: *Переходъ. — Нехорошее озеро, по негодной водѣ. — Теченіе водъ уже на Востокъ.*

Проѣхавъ 35 верстъ, остановились при *Жаманъ-Акъ-Куль*, что значитъ нехорошее бѣлое озеро. — Оно также велико, но вода къ употребленію не годится; почему и брали воду изъ ручья, въ него впадающаго. — Здѣсь теченіе водъ направляется уже на Востокъ.

Апрѣля 2: *Переходъ и роздыхъ.*

Проѣхавъ 50 верстъ, остановились при *Бута-Кичю.*

Апрѣля 3: *Переходъ и роздыхъ въ пескахъ.*

Отъѣхавъ 45 верстъ, отдыхали въ пескахъ, называемыхъ *Тосуны-Кумъ*, не доходя рѣки *Тургая.* — Дождь въ продолженіи двухъ сутокъ шелъ безпрестанно.

Апрѣля 4: Рѣка Тургай. — Мы строимъ необыкновенной поромъ и переправляемся. — Верблюды плаваютъ бокомъ.

Приблизились къ рѣкѣ *Тургаю*, питаясь надеждою, что перейдемь ее по льду; но какъ оный уже прошелъ, то и должны были дѣлать поромъ, совсѣмъ инаго рода противъ нашихъ, а именно: собрали по берегамъ большое количество сухаго хламья, и перевязавъ его пучками, составили изъ

него плотъ; потомъ взяли у Киргизцовъ, тутъ кочующихъ, нѣсколько *мѣшей*, что значитъ: кожаные мѣшки, для воды употребляемые; надули ихъ, завязали подобно пузырямъ, и утвердили внизу плота, который такимъ образомъ и держался почти весь на верху, поднимая грузу болѣе 20 пудовъ; тянули же его отъ одного берега къ другому *волосяными* веревками. — Вотъ на какомъ поромѣ переправили мы

и себя самихъ и всѣ пожитки свои; а лошадей и верблюдовъ — вплавь: послѣдніе изъ нихъ плаваютъ, лежа на водѣ бокомъ. — Кончивъ переправу, отъѣхали 15 верстъ и остановились при урочищѣ *Кара-Сай.*

Апрѣля 5: *Переходъ и роздыхъ у Аргинцовъ.— Хорошій пріемъ у нихъ и безчисленные вопросы отъ множества любопытныхъ.*

Прошедъ 50 верстъ, отдыхали мы при урочищѣ *Текѣ* въ аулахъ у Киргизцовъ

Аргинскаго рода. — Они насъ приняли весьма хорошо, высыпались къ намъ въ большомъ числѣ, осыпали вопросами о постигавшихъ насъ непріятностяхъ, и мы едва успѣвали удовлетворительно на всё отвѣчать.

Апрѣля 6: *Мы въ аулахъ нашего спутника. — Отличный его пріемъ.*

Пришли мы въ аулы къ нашему спутнику, *Сары-Батырю.* — Онъ тотчасъ

приказалъ раскинуть для насъ особую палатку, и удивилъ своею ласкою, гостепріимствомъ. — Здѣсь, пробывъ цѣлыя сутки, поуспокоились мы отъ трудовъ, нами понесенныхъ.

Апрѣля 7: *Мы опять пользуемся гостепріимствомъ.*

Оставили сіи аулы, и въ сопровожденіи гостепріимнаго Киргизца переѣхали въ дру-

гіе къ его родственнику, а нашего провод- ника *Жангабула Тюлиганова* пріятелю.

Апрѣля 8: *Дневка и заготовленія къ пути.*

Дневали здѣсь, перемѣнили лошадей и запаслись въ дальнѣйшій путь продовольствіемъ.

Апрѣля 9: *Еще спутникъ.*

По полудни выѣхали мы въ сопровождeніи своего проводника, взявъ еще Кир-

гизца съ собою вести запасныхъ лошадей. Сдѣлали переѣздъ 30 верстъ, и остановились при урочищѣ *Бишь-Тюба-Кабырга.*

Апрѣля 10: *Небольшія рѣчки. — Заимствованіе нами отъ Киргизцовъ полезнаго въ дорогѣ правила.*

Отъѣхавъ до полудня 30 верстъ, остановились при *Кабырга-Аги-Бутакъ.* — По двучасномъ отдыхѣ опять отправились,

и отъѣхавъ 25 верстъ, остановились при *Кара — Бутакѣ.* — Сіи оба названія означаютъ небольшія рѣчки, чрезъ которыя переправлялись мы въ бродъ. — Здѣсь принято нами правило, Киргизцами наблюдаемое въ своихъ путешествіяхъ. — Они никогда не оставались ночевать на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно къ вечеру располагались кормить лошадей и варить пищу; но какъ скоро смеркалось, то переѣзжали

еще нѣкоторое разстояніе и учреждали ночлегъ. — Тогда, разсѣдлывая лошадей, клали сѣдла въ головы по направленію, куда путь лежитъ, дабы вставши рано, не потерять сего направленія; лошадей стреноживали и ставили въ ногахъ, чтобы въ случаѣ тревоги поспѣшнѣе удалиться, для чего и оставляли всегда одного на стражѣ. — Такія предосторожности принимаются для того, что, часто случается, разбойники,

не смѣя предпринять явнаго нападенія, примѣчаютъ мѣсто, гдѣ странники располагаются ночлегомъ, и дѣлая врасплохъ ночью вторженіе, получаютъ въ томъ лучшій успѣхъ.

Апрѣля 11: *Соляное озеро. — Удовольствіе наше при видѣ тележной дороги. — Поле сурковъ.*

По совершеніи 30 верстъ, остановились мы при урочищѣ *Уркачи*, гдѣ симъ же име-

немъ называемое находится большое соляное озеро. — Оно было наполнено самородною солью, кромѣ, что съ поверхности на шесть вершковъ покрывалось водой. Киргизцы тутъ выламываютъ соль и привозятъ для продажи на линію; равномѣрно и Рускіе сюда для того же пріѣзжаютъ во множествѣ; почему къ великому нашему удовольствію увидѣли мы здѣсь тележную дорогу, и по ней слѣдовали до самаго *Троицка.* — Про-

ѣхавъ еще 35 верстъ, расположились ночлегомъ при *Сугуръ-Дала*, что значитъ сурковое поле; да и въ самомъ дѣлѣ множество тутъ было сихъ звѣрковъ.

Апрѣля 12: *Сосновая роща. — Вонючее дерево.*

По переѣздѣ 32 верстъ, остановились кормить у *Биль-Карагая*. — Такъ называется сосновая роща. Видъ ее обрадовалъ

насъ, ибо въ продолженіи пяти мѣсяцовъ не встрѣчали мы нигдѣ сихъ деревъ, напоминающихъ намъ родные лѣса. — Затѣмъ, по совершеніи 40 верстъ, остановились ночевать при *Сазлы-Агачъ*, что означаетъ вонючее дерево. — Сего дерева не льзя на дрова употреблять, ибо при жженіи испускаетъ оно непріятный и нестерпимый запахъ.

Апрѣля 13: *Роздыхъ при рѣкѣ.*

Въ два перехода сдѣлавъ 70 верстъ, остановились при рѣкѣ *Тоболѣ.*

Апрѣля 14: *Переправа вплавь чрезъ двѣ рѣки. — Признаки разбойниковъ.*

Переправились черезъ *Тоболъ* вплавь, и по переѣздѣ 5 верстъ встрѣтили другую рѣку, *Аятъ* называемую. — Почитая ее за

небольшую, думали въ бродъ перейти; но оказалось, что она была очень быстра и полноводна; а потому также и чрезъ нее переправлялись вплавь. — Когда же достигли другой стороны, то увидѣли слѣдъ десяти лошадей и слѣды людскіе, весьма свѣжіе. — Сіе заставило насъ опасаться разбойниковъ, ибо видѣнный нами первый слѣдъ былъ лошадей кованыхъ, а у Киргизцовъ этаго никогда не бываетъ: слѣдовательно угна-

ны были лошади съ линіи хищническимъ образомъ.

Не стану я говорить о трудныхъ переправахъ нашихъ чрезъ означенныя рѣки. — Это превосходитъ всякое описаніе. — Одна необходимость токмо принудила насъ переплыть двѣ бурныя рѣки въ такое время года, когда еще ледъ частію шелъ. Въ цѣлый сей день, по случаю переправъ, проѣхали не больше 20 верстъ.

Апрѣля 15: *Два перехода и при озерѣ ночлегѣ.*

Отъѣхавъ 30 верстъ, кормили лошадей при довольно-большомъ кустарникѣ и, по переѣздѣ еще 30 верстъ, ночевали при озерѣ неизвѣстнаго названія.

Апрѣля 16: *Рѣка и знакомые тутъ намъ Киргизцы. — Еще не близко до Троицка; но мы ѣдемъ и при всей усталости. — Чувства наши при видѣ город-*

ской колокольни. — Рѣка еще препятствіемъ. — Пріѣздъ нашъ въ Троицкъ и конецъ странствованію нашему.

Къ полудню, черезъ 30 верстъ, пріѣхали къ рѣкѣ *Тоузаку*, гдѣ кочующіе Киргизцы *Кипчатскаго* рода были намъ знакомы; и весьма обрадовались нашему возвращенію. — Отсюда оставалось до *Троицка* еще 40 верстъ, которыя, не смотря на чрез-

мѣрную нашу усталость, рѣшились мы въ сей же день переѣхать, и еще далеко изъ за-горъ увидѣли городскую колокольню. — Можно ли изобразить и восторгъ нашъ и живѣйшую благодарность небесамъ? Перо не выразитъ того, что мы тогда чувствовали! — Наконецъ приблизились къ городу; но и здѣсь еще рѣка *Уй* служила преградою нашему стремленію. Преодолѣвъ сіе послѣднее препятствіе и пріѣхав-

ши въ городъ, мы вдругъ окружены были толпою любопытныхъ зрителей, въ числѣ коихъ находились самые короткіе намъ пріятели, которые однако едва могли насъ узнать, по причинѣ страннаго нашего полудикаго одѣянія, обросшихъ бородъ и полнаго вооруженія. — Изъявленіе ихъ радости и участіе въ нашемъ положеніи, были трогательны, неизъяснимы.

ВОСПОМИНАНІЯ:

Замѣчательный анекдотъ при нападеніи хищныхъ Киргизцовъ, или человѣколюбивый подвигъ Ростовца Ломтева. — Одного тяжелораненаго на вылазкѣ козака отбиваетъ у непріятеля нашъ Караванной купецъ со своими товарищами, а изцѣляетъ отъ шести почти смертельныхъ ранъ Г. Шт. Лѣк. Пономаревъ. — Во время отчаянной осады на горѣ Бишь-Тюбѣ, между стрѣлками нашими на вылазкахъ неустрашимой охотникъ изъ купечества Нарядчиковъ. — Онъ ко благу каравана содѣйствовалъ добычею

у непріятеля языка, или взятьемъ Трухменца въ плѣнъ.

Обыкновенно, по совершеніи многотруднаго, опасностей исполненнаго, дальнаго пути, остается множество различныхъ воспоминаній; и когда вы находите въ нихъ черты великодушія и неустрашимости — пожертвованія добродѣтельныя на пользу человѣчества: тогда сіи отрадные

отголоски прошедшаго остаются уже навсегда незабвенными. — Съ симъ-то чувствованіемъ да позволятъ мнѣ благосклонные читатели обратиться нѣсколько къ тому, что ими уже прочитано, и дополнить оное слѣдующими воспоминаніями, отечественнымъ доблестямъ нашихъ принадлежащими.

Изъ *первой* Части сихъ Записокъ мы видѣли подъ числомъ 29 Ноября

1824 года, съ к а к и м и трудностями былъ сопряженъ проводъ Каравана черезъ песчаныя горы, *или Большіе Бурсуки*. Теперь кажется не будетъ излишнимъ досказать, *и я* начинаю. — По столь затруднительномъ тогда переходѣ, расположился Караванъ ночлегомъ хотя и на гладкомъ, но тоже еще песчаномъ мѣстоположеніи. — Къ счастію однако открылась для насъ

тутъ рѣдкая находка, то есть вся возможность обезпечить себя надолго противъ недостатка въ водѣ, столь ужаснаго въ степныхъ пространствахъ безвѣстныхъ. Впрочемъ не о томъ намѣренъ я распространяться, что нашли мы глубокія озера съ весьма чистою водою, уже покрытыя льдомъ, который въ особенности доставлялъ намъ на даль-

нѣйшій путь самой драгоцѣнной въ тогдашнее время и вмѣстѣ нетрудной запасъ водяной; также не о томъ стану говорить много, что едва только двинулся нашъ Караванъ со своего ночлега, не бывъ еще весь приведенъ въ должный порядокъ, какъ мгновенно напали на оный стылу хищные Киргизцы, какъ отхватили три верблюда съ козацкою аммуниціей, и какъ

вдругъ же исчезли они: довольно, если наглость ихъ и спасеніе прикрывалъ необыкновенно - густой туманъ, препятствовавшій дальше сажени различать предметы. — Но не могу я, ибо не долженъ, умолчать объ одномъ съ нашими случившемся анекдотѣ, потому именно не долженъ умолчать, что знаменуетъ оный собою и чистѣйшую любовь къ ближ-

нему, и то благоволеніе, съ какимъ на добрыя дѣла взираетъ око всевидящее общаго Творца Всемогущаго. — Вотъ сей анекдотъ: Тогда, какъ пустился Караванъ съ ночлега въ ходъ и произошло на него отъ хищниковъ нападеніе, оставался на мѣстѣ ночлега Караваннаго нѣкто изъ купеческихъ нашихъ работниковъ, для запасу льдомъ. — Хищники нападали съ обычайнымъ визгомъ своимъ, который столь бываетъ пронзи-

теленъ, что животные даже приходятъ отъ того въ содроганіе, такъ что самая смирная лошадь дѣлается вдругъ неукротимою. — Точно тоже и тогда случилось: бывшая при работникѣ за льдомъ лошадь, испугавшись визгу, стала на дыбы, вырвалась у него изъ рукъ и бросилась стремглавъ за нашимъ Караваномъ, оставя своего хозяина въ добычу или рабству варваровъ, или же смерти. — Но лишь

только сдѣлалась въ Караванѣ тревога и прискакавшую лошадь примѣтили, какъ одинъ изъ прикащиковъ брата моего Ростовскій житель *Дмитрій Николаевъ Ломтевъ*, тотчасъ опознавши лошадь за нашу, догадался, что всадникъ ея вѣрно замѣшкался при добываніи льду, и что жизнь его конечно въ большой опасности. — Итакъ, воспламенясь великодушнымъ состраданіемъ, добрый *Ломтевъ* потихоньку уда-

лился отъ своихъ товарищей, ринулся прямо къ тому мѣсту, гдѣ нашъ пропадалъ Руской; подхватилъ его къ себѣ на лошадь и привезъ въ Караванъ, безъ малѣйшаго вреда отъ хищниковъ, кои безпрерывно попадались между тѣмъ на встрѣчу въ оба пути, кружась около Каравана, какъ вѣтры буйные, и угрожая гибелью неминуемою во всякомъ другомъ случаѣ, кромѣ ра-

сказаннаго. — Не явное ли это дѣйствіе Божественнаго Провидѣнія!

Бѣдственное положеніе нашего Каравана на горѣ *Бишь-Тюбѣ*, въ 13 дневной, отчаянной осадѣ, никогда не выйдетъ у меня изъ памяти. — Къ нему-то я опять невольно обращаюсь, присовокупляя ко *второй* Части Записокъ сихъ два описанія изящнѣйшихъ дѣяній нравственныхъ.

Одно описаніе относится къ 17 числу Января 1825 года, гдѣ говорено было объ отличной вылазкѣ нашихъ козаковъ, на которой трое изъ нихъ лишились жизни, а одинъ получилъ шесть ранъ, однако спасенъ. — Спасеніемъ своимъ онъ обязанъ Караванному нашему купцу, который, по движенію великодушія, тотчасъ собравъ своихъ товарищей, съ ними бросился въ толпу разбойниковъ и почти уже

изъ рукъ ихъ извлекъ страдальца, какъ скоро услышалъ, что онъ погибаетъ отъ ранъ; услышалъ же отъ прочихъ козаковъ, бывшихъ на вылазкѣ, которые, прося помочь ему, пересказали какъ тяжкое его положеніе, такъ и то, что сами они никакъ не успѣвали пособить, бывъ поспѣшно вызваны зборнымъ глаѳомъ въ лагерь съ мѣста побоища. — Наконецъ спасенный козакъ, тщательнымъ стараніемъ Г. Штабъ-Лѣ-

каря *Пономарева*, соединеннымъ съ искуствомъ его, совершенно былъ изцѣленъ отъ шести, можно сказать, смертельныхъ ранъ, и такимъ образомъ храбрый воинъ паки полезнымъ явился для службы.

Другое и послѣднее повѣствованіе имѣетъ въ предметѣ 23 Января тоже 1825 года, когда Хивинцы, по многократнымъ своимъ приступамъ къ Каравану на *Бишь-Тюбѣ*, возращались всегда не только безъ

успѣха, но еще съ ощутительнымъ ущербомъ для себя отъ удачнаго дѣйствія съ нашей стороны огнестрѣльнымъ орудіемъ; когда, понадѣясь на ненастное время, и потому ложно утвердясь въ своемъ мнѣніи, что отъ дождя не будутъ дѣйствовать наши ружья и пушки, рѣшились сдѣлать со всѣхъ сторонъ нападеніе; и когда однакожъ первые мы выслали противъ нихъ своихъ стрѣлковъ. — Тогда въ стрѣлкахъ

у насъ охотниками между прочими были нѣкоторые изъ купечества нашего. — Объ одномъ особенно теперь я долженъ упомянуть здѣсь. — Это *Михайло Ивановичъ Нарядчиковъ*, котораго тамъ всегда и видѣли, гдѣ болѣе предстояло опасности; у котораго въ двухъ мѣстахъ прострѣлено было платье пулями; и который, очень понимая, сколь необходимо, ибо весьма важно тогда было, достать,, что называется, *языкъ у непрія-*

теля, много содѣйствовалъ ко благу Карава-
на взятьемъ въ плѣнъ Трухменца, умѣв-
ши притомъ спасти его жизнь отъ запаль-
чивости нашихъ воиновъ; чѣмъ оказалъ
еще двоякую услугу: и человѣчеству во-
обще, и Каравану въ особенности, пото-
му, что гибельная тогда крайность наша
повелительно требовала, для общаго наше-
го спасенія, узнать о силахъ и намѣреңі-
яхъ непріятелей, и отъ нихъ же самихъ

вывѣдать немедленно всѣ подробности къ обезпеченію пути нашего.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ:

Благодарность моя къ гостепріимному въ Троицкѣ дому, къ искренней привѣтливости и къ Степному моему спутнику.

Я не въ силахъ въ полной мѣрѣ выразить душевной признательности за пріязнь, ласки и вниманіе, оказанныя мнѣ почтен-

нымъ *Михайломъ Михайловичемъ Іюдинымъ* и его любезнымъ сѣмействомъ, во всю бытность мою въ *Троицкѣ*, что продолжалось цѣлый мѣсяцъ. — Сіи добрые люди успокоили и ожпвотворили горестнаго странника.

Равномѣрно обязанъ я засвидѣтельствовать здѣсь чувствительную благодарность Г. Троицкому казначею, *Якову Семеновичу Казанцову*, и почтенной супру-

гѣ его. — По одному движенію сердечному они дѣлали добро для добра.

Не забуду также никогда искренней пріязни спутника моего, *Данилы Игнатьевича Шалина*, съ которымъ вмѣстѣ дѣлилъ я горе и опасности и отрадныя надежды. Дружество, испытанное трудными обстоятельствами, навсегда запечатлѣвается въ сердцѣ.

Конецъ третьей и послѣдней Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ,
1825 года.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО,

Милостивѣйшій Государь!

Благодѣтельнымъ Вашимъ распоряженіемъ и попечительностію напутствованный не въ давнемъ времени на поприще перваго подъ Воинскимъ прикрытіемъ Караваннаго, дикими Степями Киргизскими, шествія, принялъ я смѣлость, нынѣ — сдѣланное мною описаніе онаго въ подносимой у сего книгѣ, подъ заглавіемъ: **КАРАВАНЪ-ЗАПИСКИ** — *посвятить Вашему Высокопревосходительству, какъ знаменитому Начальнику - Благотворителю Оренбургскаго края и Покровителю Караванной торговли залинейной.*

Съ глубочайшимъ къ особѣ Вашей почитаніемъ именующійся,

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА,

Милостивѣйшаго Государя

Москва.
Ноября 17 дня
1827 года.

Всепреданнѣйшій
Евграфъ Кайдаловъ.

Гора Бишь-тюбя въ пустынѣ красныхъ песковъ.